

лям и подчеркивала их воинскую доблесть. В сохранившихся списках этот момент в значительной мере ослаблен.

6. Последняя попытка В. П. Адриановой-Перетц воссоздать текст «Задонщины» «в наиболее близком к авторскому оригиналу чтении»,¹ мне кажется, действительно наиболее приближается к поставленной цели — как в смысле первоначального объема и состава памятника, так и в смысле выбора чтений для всех его частей. Я предпочел бы только (как только что было указано в п. 5) в основу реконструкции заключительной части положить *И-1* и, кроме того, считал бы нужным внести ряд частных изменений в предположительный авторский текст — применительно к тем критическим указаниям, которые были сделаны выше, при рассмотрении второго и третьего вариантов реконструированного авторского текста Софонии.

7. Однако, как и всякая попытка реконструкции первоначального текста при недостаточном количестве и неудовлетворительном качестве сохранившихся списков, принадлежащие В. П. Адриановой-Перетц опыты реконструкции авторского текста «Задонщины» не лишены известной субъективности в определении ее составных частей и в выборе чтений² и являются в конечном счете в значительной мере гипотетическими.

8. Само собой разумеется, что многие спорные вопросы, касающиеся окончательного установления объема и состава первоначального текста «Задонщины», а также первоначального вида некоторых отдельных чтений могли бы быть с большей точностью разрешены только при самом тщательном сравнительном изучении «Задонщины», «Летописной повести» и «Сказания о Мамаевом побоище», для чего необходимо предва- рительное обстоятельное изучение и двух последних памятников, связанных с Куликовской битвой.³

* *

Как уже было сказано выше (стр. 546), даже в советском литературоведении идейная сторона «Задонщины» — осмысление в ней недавно пережитого события исключительной важности, исключительного политического и исторического значения — разгрома татарских полчищ объединенными силами русских княжеств во главе с Москвой — очень долгое время не получала надлежащего освещения или даже вовсе выпадала из поля зрения исследователей, искавших в «Задонщине» прежде всего текстуальные и стилистические точки соприкосновения со «Словом о полку Игореве».

Таким образом, Д. С. Лихачев в своей посвященной «Задонщине» статье 1941 года⁴ имел все основания сказать, что «попыток определения исторической концепции, выраженной в Задонщине, до сих пор не дела-

¹ Воинские повести древней Руси, стр. 258. Реконструированный текст см на стр. 33—41.

² Эта субъективность особенно заметна при последовательном рассмотрении всех трех попыток реконструкции авторского текста «Задонщины», предпринятых В. П. Адриановой-Перетц на протяжении 1943—1949 годов.

³ Осенью 1953 года в ИРЛИ АН СССР Л. А. Дмитриевым была защищена диссертация на тему «Сказание о Мамаевом побоище». Как видно из автореферата диссертации (Л. А. Дмитриев. Сказание о Мамаевом побоище. Автореферат диссертации на соискание степени кандидата филологических наук, Л., 1953, 19 стр.), в ней устанавливается значительное влияние «Задонщины» уже на первоначальный текст «Сказания», а затем и на его позднейшие списки и редакции. С другой стороны, в поздних списках «Задонщины» встречаются такие места, которые явно восходят к «Сказанию о Мамаевом побоище».

⁴ Д. С. Лихачев. Задонщина. — Литературная учеба, 1941, № 3, стр. 87—100